

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Иосифа Бродского **Энн Шеллберг:**

**«Он мог быть
требовательным
и не терпел
глупости»**

Энн Шеллберг — глава Фонда наследия Иосифа Бродского — была литературным секретарем поэта в течение десяти последних лет его жизни. С Энн Шеллберг побеседовала корреспондент «Известий» **Наталья Кочеткова.**

ИЗВЕСТИЯ: Когда в 1986 году Сюзан Зонтаг порекомендовала вас Бродскому, как вы к этому отнеслись?

Энн Шеллберг: Меня очень манила перспектива работы с Иосифом Александровичем. Он обладал несомненной харизмой, притягивал к себе людей, и разговор с ним всегда был как бы небольшим приключением.

ИЗВЕСТИЯ: А какое первое поручение он вам дал?

Шеллберг: Думаю, что первым заданием было напечатать эссе «Полторы комнаты». Работать с ним было большим наслаждением и радостью, не говоря уж о том, что это конечно же сильно повышало мой собственный интеллектуальный уровень. Он мог быть требовательным, не терпел глупости — иногда это было непросто выдержать, но если вы это выдерживали, то вас «принимали в игру».

ИЗВЕСТИЯ: Насколько мне известно, Бродский не согласился с Апдайком в том, что ему удалось успешно преодолеть изгнание. Вы это чувствовали? В чем это выражалось?

Шеллберг: О преодолении изгнания я могу только сказать, что его жизнь в Америке была жизнью полной, богатой событиями и эмоциями. Для меня было бы невозможно представить его живущим где-либо еще. К моменту нашего знакомства он был в полной мере гражданином мира. Он был очень активен в американской литературной жизни, можно даже сказать, что он в ней доминировал.

ИЗВЕСТИЯ: Сейчас в Петербурге начата работа по подготовке к изданию полного собрания сочинений Бродского. Что уже сделано?

Шеллберг: Академическое собрание сочинений Бродского, действительно, находится на ранней стадии подготовки. Основной результат, которого мы достигли к сегодняшнему дню, — это то, что архивы Бродского, находящиеся в России — в Национальной (бывшей Публичной) библиотеке в Петербурге — и в Америке — в библиотеке Байнеке Йельского университета, были полностью каталогизированы и подготовлены для работы исследователей. Эта работа, собственно, уже началась. Отныне специалисты могут получить доступ к архивам.

ИЗВЕСТИЯ: Войдут ли в собрание сочинений переписка и дневники Бродского?

Шеллберг: В тех же архивах находится и большой корпус переписки и дневников Бродского, которые — по состоянию на данный момент — не включены в план академического собрания. Однако они также большей частью доступны для исследовательской работы, и на их основании будут подготовлены комментарии к произведениям Бродского. Например, эти материалы крайне важны при определении дат создания тех или иных произведений и уже позволили уточнить многие ранее спорные моменты. В последующих комментированных изданиях «Горбунова и Горчакова» будут использованы сведения, почерпнутые из частной переписки.

ИЗВЕСТИЯ: Сколько томов планируется?

Шеллберг: Академическое собрание будет состоять из приблизительно 10 томов, к которым в будущем могут добавляться новые тома. В частности, мы впервые планируем издать отдельным томом юношеские произведения Бродского — возможно, уже через два-три года. Позднее начнется работа над томом рисунков Бродского. Фонд активно сотрудничает с владельцами рукописей Бродского в работе над корпусом текстов собрания и комментариями, и мы надеемся, что те, у кого сохранились письма Бродского, его рисунки, рукописи стихотворений или прозы, сообщат об этом Фонду (estate@josephbrodsky.org).

Работа над академическим собранием ведется одновременно в России и в Америке. Один из крупнейших американских университетских издателей уже выразил желание печатать тома собрания в Соединенных Штатах, но мы полагаем, что это может делаться только в сотрудничестве с крупным издательством в России.

ИЗВЕСТИЯ: Какие еще проекты вы курируете?

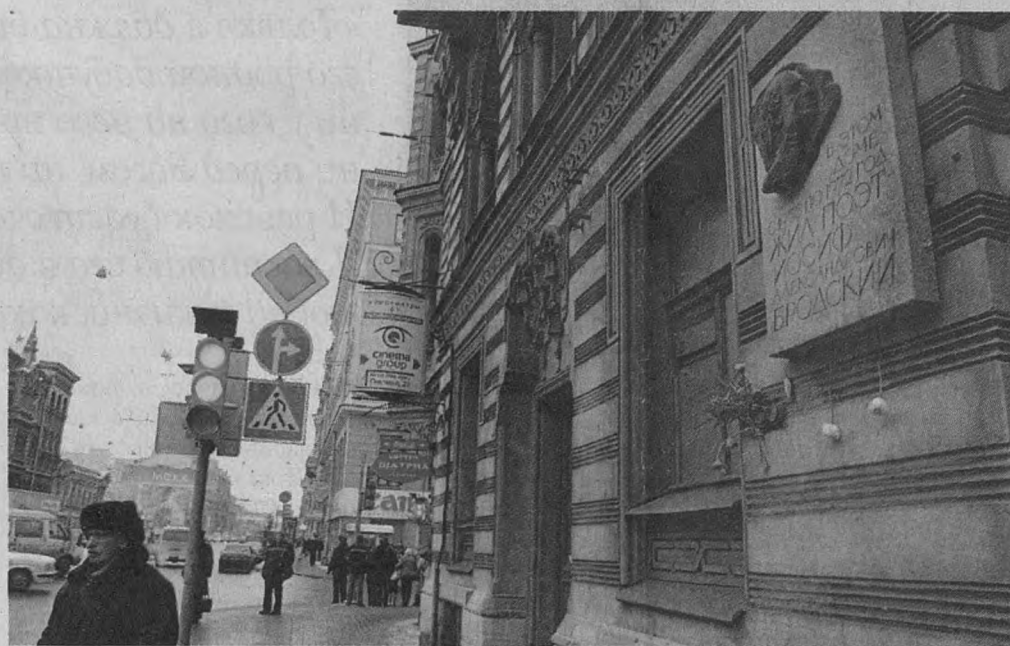
Шеллберг: Помимо академического собрания сочинений готовятся к печати новое комментированное издание стихотворений Бродского — с совершенно новым, полным комментарием — и книга детских стихотворений Бродского с иллюстрациями современных художников. Из проектов, которые нам удалось осуществить в последние годы, наиболее значимы два, выполненные издательством «Азбука»: во-первых, републикация в России оригинальных сборников стихотворений Бродского, выпускавшихся в американском издательстве «Ардис» с начала 70-х годов и до его смерти.

Тексты стихотворений были заново выверены и соответствуют принятой на сегодняшний день текстологической норме. Во-вторых, массовое двуязычное издание эссе Бродского о Венеции «Набережная неисцелимых», которое дает возможность читать тексты Бродского, исходно написанные по-английски, не только в переводе, но и в оригинале. К счастью, в России теперь выросло целое поколение читателей, для которых язык не является помехой.

Кроме того, в издание включено несколько венесуэланских фотографий, сделанных Бродским лично.

Тем же издательством «Азбука» выпущено недавно второе дополненное и исправленное издание книги избранных стихотворений Бродского, составленной Эдуардом Безновым.

Завтра исполняется 10 лет со дня смерти поэта Иосифа Бродского, изгнанника, названного тунейдцем на родине и лауреатом Нобелевской премии — в эмиграции. Друг Иосифа Бродского, историк **Владимир Герасимов**, которому поэт посвятил свое стихотворение «Стрельна», прошелся по «местам Бродского» в Санкт-Петербурге и рассказал корреспонденту «Известий» **Елене Роткевич**, что правда из историй о Бродском, а что — вымысел.

На мемориальной доске, висящей на доме Бродского, — ошибка. Иосиф жил здесь не с 1955-го, как написано, а с 1949 по 1972-й

**«Ленивый, грубый.
На уроках шалит»**

Школа № 289 на Нарвском проспекте — последняя, где Бродскому довелось учиться.

— Иосиф не любил советскую школу. Ему было скучно. Он часто менял места учебы. В седьмом классе остался на второй год, а в восьмом, отзанимавшись всего одну четверть, вообще бросил учебу, заявив, что «в школу больше не вернется», — говорит Герасимов.

В четвертом классе в школе на Моховой улице 10-летний Ося заработал такую характеристику: «По своему характеру — упрямый, настойчивый, ленивый. Грубый. Мешает проведению уроков, шалит. Домашние задания письменные выполняет очень плохо, а то и совсем не выполняет. Тетради имеет неряшливые, грязные, с надписями и рисунками. Способный. Может быть отличником, но не старается».

К шестому классу отношения с учителями кое-как наладились. «По сравнению с прошлым годом изменился в лучшую сторону», — написал его классный руководитель. — Исполнительный. Правдивый. Развитой, но вспыльчив. Хорошо рисует, много читает. Общественные поручения выполняет добросовестно. Принимал участие в оформлении отрядной стенгазеты. Дисциплина отличная».

В седьмом классе Бродский получил четыре годовых двойки — по физике, химии, математике и английскому. Остался на второй год, а в ноябре 1955-го и вовсе бросил школу. Протулывая учебу, Ося Бродский гулял по городу.

В своих автобиографических эссе он потом писал, что «фасады ленинградских домов рассказывали о египтянах, греках и римлянах больше, чем любые учебники».

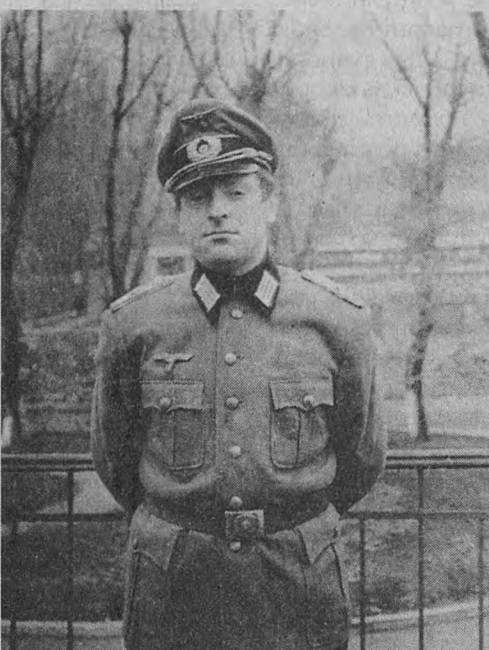
Сегодня в школе на Моховой, где Бродский учился с 1951-го по 1953-й, находится детский сад. Про поэта там не слышали. Школа № 289 — последняя, где ему довелось учиться, — «переименована» в начальную 615-ю. Здесь тоже про Бродского ничего не знали. Но, услышав новость от корреспондента «Известий», директор Евгения Смирнова всплеснула руками: «Да вы что! Теперь будем гордиться!» В школьной библиотеке нашлось единственное произведение Брод-

ского — стихотворение для детей «Баллада о маленьком буксире». Третьекласски с радостным шумом бросились его читать: «Мне работа моя по нутру. Раньше всех кораблей я встаю поутру. Пусть, на солнце алея, низко стелется дым. Остаюсь, не жалея, там, где нужен другим».

**«Психическими
заболеваниями не страдает»**

Психиатрическая больница Святого Николая Чудотворца на Пряжке.

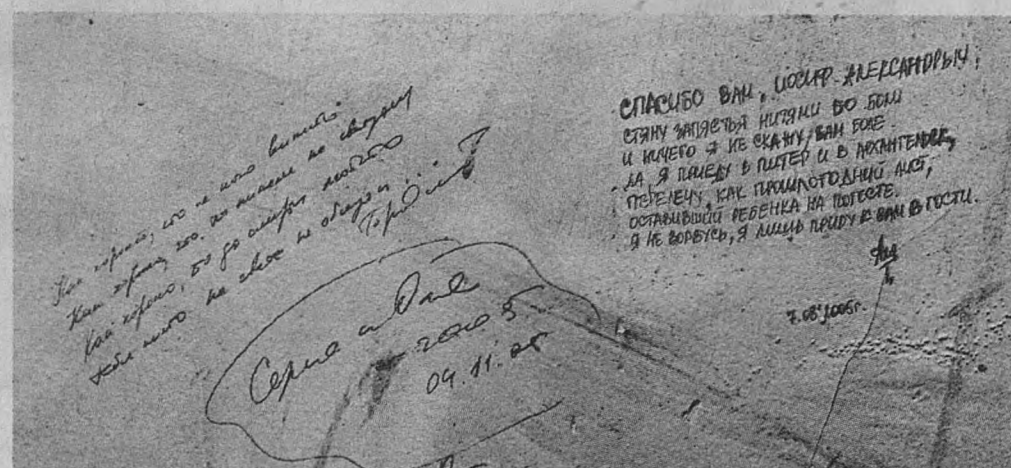
Бродский был отправлен сюда зимой 1964 года для принудительной психиатрической экспертизы, назначенной судом по обвинению в тунеядстве. Он находился в отделении, где лежали пациенты, предназначенные к выписке. Вместе с ним в палате жили еще около 20 человек. Через две недели Бродского выпустили. Врачебное заключение от 18 февраля 1964 г. гласило: «Бродский И. А. проявляет психопатические черты характера, но психическим заболеванием не страдает и по своему состоянию нервно-психического здоровья является трудоспособным». После этого суд приговорил Бродского к 5 годам ссылки в Архангельскую область за тунеядство.

60-е годы, Одесская киностудия. Иосиф Бродский в форме офицера вермахта

Поэта

здесь никогда не было

Одна из надписей на стене у квартиры Бродского: «...Стяну запястье нитями до боли и ничего я не скажу вам боле»

Маршрут Иосифа Бродского и Владимира Герасимова (на фото) часто пролегал через рюмочные на Литейном

«Белые стены, решетки на окнах — Иосифу все идет на пользу. Впечатления, полученные им в больнице, отразились в большом стихотворении «Горбунов и Горчаков». Там идет диалог между двумя пациентами психушки о жизни и о людях», — вспоминает Владимир Герасимов.

Сумасшедший дом на Пряжке — одна из «живых легенд» Санкт-Петербурга. Он был основан еще при Николае I видел в своих стенах много именитых пациентов. Здесь закончили свой век несколько народовольцев, скончалась Антонина Чайковская — супруга композитора, бывал певец Виктор Цой. Однако в самой больнице сегодня ничего не знают — и знать не хотят — про своих знаменитых пациентов. Главврач Сергей Свистун категорично заявил «Известиям»: «Бродского здесь никогда не было».

**Сухое вино
он находил невкусным**

— Бродский не любил сухое вино. Находил его невкусным, хотя в те времена у молодежи оно было очень в моде. Предпочитал крепкие напитки или десертные вина. Алкоголем и совершенно недоступным в те времена куревом его снабжали иностранные друзья. Помню, зашел к нему в гости, а там какой-то американец. Иосиф нас спраши-

вает: «Выпить хотите?». Американец сначала отказался, но потом увидел бутылку и воскликнул: «О! Ирландская! Тогда я тоже буду!» У Бродского в комнате вся верхняя полка была заставлена экзотическими бутылками: виски «Белая лошадь», виски «VAT 69» венгерского разлива в таких пузатых низких бутылках, французский коньяк.

Мы часто заходили в рестораны — тогда это было не так дорого — или просто в рюмочные недалеко от его дома.

«Коммунизма здесь не было»

Дом на Литейном проспекте, в котором жил Бродский.

— В напеше на мемориальной доске, висящей на доме, — ошибка. Иосиф жил здесь не с 1955-го, как написано, а с 1949 по 1972-й, — говорит Герасимов.

В квартире Бродского до сих пор обычная питерская коммуналка. Там давно хотят сделать музей, но жильцов надо куда-то расселить, а денег на это нет. Обитатели знаменитой квартиры, сегодня не имеющие никакого отношения к поэту, и их соседи по лестничной площадке в последние годы живут как в осаде: поклонники Бродского, журналисты и просто любопытные их замучили до полусмерти. Поэтому они не только никому не открывают двери, но даже заколотили их и пробираются домой через черный ход. Корреспондентам «Известий» удалось поговорить с соседкой Иосифа Бродского из 27-й квартиры (Бродские жили в 28-й. — «Известия»), хорошо помнящей его семью. Назвать свое имя она отказалась.

«Они были довольно обеспеченные, но интеллигентные люди. К Иосифу часто ходили компании, но никогда не шумели. Я хоть и была его ровесницей, меня к ним не звали. У каждого здесь была своя жизнь. Коммунизма не было. А самое противное было, когда отец его уже один остался. Старику не помогли, похоже, он экономил. Умер в кресле перед телевизором. И вот тогда понабежали все — какие-то родственники, друзья», — рассказала женщина «Известиям».

Стены подъезда у квартиры Бродского сплошь исписаны. Похоже, пострались почитатели его творчества и не только. Размашисто фломастером: «Еврейский фашизм». И густо, шариковой ручкой: «Спасибо вам, Иосиф Александрович! Стяну запястье нитями до боли и ничего я не скажу вам боле»; «Как хорошо, что некого винить! Как хорошо, что ты никем не связан»; «И если через сотни лет придет отряд раскапывать наш город, то я хотел бы в твой дом войти».

Стены подъезда рядом с квартирой Бродского исписаны не только стихами поэта

Врачи в сумасшедшем доме на Пряжке сегодня ничего не знают и знать не хотят про своего знаменитого пациента